

Д.М. Магомедова

**ОБ ОДНОЙ ПУШКИНСКОЙ АЛЛЮЗИИ
В «ЗАБЛУДИВШЕМСЯ ТРАМВАЕ» Н.С. ГУМИЛЕВА**

Цель этой небольшой заметки – заново продумать комментарий к известному фрагменту стихотворения Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай», по общему мнению, ориентированному на пушкинский текст:

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода –
Только оттуда бьющий свет.
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

В комментарии к этому фрагменту неоднократно указывалась его связь с «Капитанской дочкой»¹. В статье Вяч.Вс. Иванова «Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С.Гумилева)» это предположение поддерживается, хотя и отмечается ряд несовпадений с пушкинским текстом: «...Фабула изменена: с Императрицей у Гумилева встречается автор, а не Машенька, а герой, и после этой встречи им больше не суждено увидеть друг друга»². Набор признаков, по которым опознается пушкинский текст, очевиден: имя героини, русский XVIII век («напудренная коса»), императрица.

Однако несовпадений с «Капитанской дочкой» в этом фрагменте, пожалуй, больше, чем совпадений. Даже имя героини не совсем пушкинское. Маша Миронова в «Капитанской дочке» никогда не именуется «Машенькой». В авторской речи она «Марья Ивановна», в репликах персонажей – либо «Марья Ивановна», либо «Маша». Между тем, как показывают многочисленные исследования по проблемам номинации, выбор варианта имени для Пушкина чрезвычайно значим и никогда не бывает случайным. Маша Миронова у Пушкина нигде в повести не поет, и домик ее находится не в Петербурге. Конечно, можно счесть эти несовпадения поэтическими вольностями, но только ли в этом дело? Не кроется ли за этими бросающимися в глаза неточностями нечто иное, а именно: не было ли у Гумилева иных источников, помимо пушкинской повести?

И здесь необходимо вспомнить, что эпоха рубежа XVIII–XIX вв., екатерининско-павловские времена в России, – один из самых излюбленных хронотопов в русской художественной традиции начала XX в. Это и «мирискуснические» стилизации А. Бенуа, Евг. Лансере и К. Сомова в живописи, и иронические стилизации Андрея Белого, В. Брюсова, М. Кузмина, Б.Садовского, С. Ауслендера, А.Н. Толстого в литературе. В 1900-е, и особенно в 1910-е гг., к столетию со дня победы в войне 1812 г., на страницах символистских журналов и альманахов то и дело появлялись новел-

лы, совершенно очевидно переполненные пушкинскими аллюзиями. «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Дубровский» оказываются текстом-источником для целого ряда рассказов и повестей. Назовем хотя бы «Черты из жизни моей» и «Две главы из неизданных записок» Б. Садовского, «Набег на Барсуковку» М. Кузмина, «Катеньку» А. Толстого³ и, наконец, «Туфельку Нелидовой» С. Ауслендера⁴. По меньшей мере в двух из этих новелл героинь зовут Машенькой (и это – основная номинация) – у С. Ауслендера и в «Набеге на Барсуковку» М. Кузмина. В обеих новеллах речь идет о драматических перипетиях, связанных с женихом героини. В новелле Садовского «Черты из жизни моей» принимает участие императрица, которой представляют главного героя. Иными словами, реалии пушкинских повестей, которые встречаются в стихотворении Гумилева, рассыпаны в целом ряде стилизованных новелл начала XX в. Но особое место среди них занимает, как представляется, новелла С. Ауслендера «Туфелька Нелидовой», носящая подзаголовок «Таинственная история».

Героиня повести Машенька Минаева живет вместе с отцом «в своем небольшом, пожалованном покойной императрицей, доме на Фонтанке» (у Гумилева – «Дом в три окна и серый забор»). Она готовится к свадьбе с поручиком гвардии Несвитским. В доме заняты шитьем приданого, сама же героиня в начале новеллы сидит за пядьцами или «разбирает с женихом на клавикордах французские романсы» – это беглое описание перекликается с двустушием «Ты здесь жила и пела, / Мне, жениху, ковер ткала». Рукоделием для жениха занимается и Машенька в рассказе Кузмина «Набег на Барсуковку», хотя вышивает она не ковер, а кошелек.

Драматические события в «Туфельке Нелидовой» начинаются с момента, когда жених Машеньки оказывается случайным свидетелем ссоры Павла I с его фавориткой, фрейлиной Нелидовой, и попадает под суд. Ему грозят смерть или ссылка. Чтобы спасти жениха, Машенька решается обратиться к известному в Петербурге медиуму и магу Кюхнеру, который

когда-то выделил ее из присутствующих на сеансе магии и обещал ей свою помощь и защиту. После встреч с Кюхнером, вернувшись домой, Машенька впадает в беспамятство: «Всю ночь не отходила Агафьюшка от Машенькиной постели. Наплакавшись, уснула Маша, но спала беспокойно; словно в бреду, несвязное что-то бормотала она: то начинала звать жалобно Мишу, называя ласковыми его именами, то поминала незнакомое няньке имя господина Кюхнера и начинала быстро что-то лопотать по-немецки»⁵. Этот эпизод так же очевидно перекликается со строчкой из стихотворения Гумилева «Как ты стонала в своей светлице».

Дальнейшее развитие действия в новелле Ауслендера уже не совпадает со стихотворением Гумилева: магу удастся подчинить своей воле волю Павла I и заставить его освободить жениха Машеньки. Иными словами, в судьбу героев вмешиваются таинственные иррациональные силы и устраивают их благополучие. Самому же Кюхнеру это последнее обращение к миру таинственных сил стоит жизни. Но все же заметим, что последняя реплика Кюхнера: «Ваш жених будет сегодня свободен»⁶, возможно, перекликается со следующим двустишием стихотворения Гумилева:

Понял теперь я: наша свобода –
Только оттуда бьющий свет.

Предположение это подтверждается и тем, что первое появление Кюхнера на медиумическом сеансе сопровождается видением слабого света огонька и звуками арфы.

Итак, рассмотренный фрагмент стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай» содержит в себе по меньшей мере два пласта аллюзий. Первый – пушкинский, наиболее очевидный. Второй – апеллирующий к современным для Гумилева стилизациям пушкинской традиции, среди которых особенно выделяется новелла С. Ауслендера «Туфелька Нелидо-

вой». Принцип соединения далеких эпох и пространств заявлен в третьей строфе стихотворения: «Он заблудился в бездне времен». Но полезно увидеть, как этот принцип проявляется в тексте стихотворения и на уровне реминисценций, путем одновременной отсылки к разнородным источникам: отдаленным и лежащим буквально на поверхности современной жизни. Помимо литературных подтекстов, существуют и автобиографические, о которых Анна Ахматова говорила в беседе с П. Лукницким⁷. Однако подробно обсуждать эти реалии в сегодняшнем сообщении не стоит, поскольку все они упомянуты в современных комментариях к стихотворению.

Но если бы стихотворение «Заблудившийся трамвай» сводилось только к игре разными уже готовыми чужими формами, текстами-источниками и к совмещению далеких ассоциативных слоев, то перед нами была бы еще одна талантливая стилизация. Между тем, «Заблудившийся трамвай» менее всего похож на изящную литературную игру. И именно в продолжении темы Машеньки в стихотворении это проявляется особенно наглядно. В самом деле: именно с ее появлением в тексте обретается все большая локальная конкретность, узнаваемость «малого мира» русского национального бытия. Совершенно парадоксально решается вопрос о жизни и смерти: служится панихида о здравии умершей Машеньки и панихида по еще живому герою.

Но в финальной строфе остается жить и герой стихотворения («и трудно дышать, и больно жить»), а Пушкин и его преломление в современном сознании, Медный всадник и Исакий оказываются знаками русского национального бытия, которые выводят заблудившегося в бездне времен героя в труднейший трагедийный мир, где любовь и боль сострадания продолжают существовать как главные и непреходящие жизненные ценности.

---

¹ Одним из первых такое сопоставление провел С.П. Бобров в рецензии на сборник «Огненный столп» (Красная новь. 1922. № 3. С. 264.). См. также: Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева: Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 113–143; Тименчик Р. К символике трамвая в русской поэзии // Символ в системе культуры. Тр. по знаковым системам. Вып. 21. Тарту, 1987. С. 135–143 (Учен. зап. Тартуск. ун-та; вып. 830); Зобнин Ю. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. 1993. № 4. С. 176–192; Спиваковский П.Е. У входа. Анализ стихотворения Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» // Слово: Православный образовательный портал. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>, свободный. Данные соответствуют 01.11.2005. Отмечено в комментариях: Гумилев Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон, 1962–1968. Т.2. С. 294. См. также: Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 543.

² Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // Взгляд: Критика. Полемика. Публицистика. М., 1988. С. 338–339.

³ По сообщению И. Одоевцевой, слышавшей первое чтение «Заблудившегося трамвая», «Машенька в то первое утро назвалась Катенькой» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1989. С. 273).

⁴ Первая публикация – Речь. 1911. № 356. 29 декабря. Вошла в издание: Ауслендер С. Рассказы. Кн. II. Петербургские апокрифы. СПб., 1912.

⁵ Ауслендер С. Туфелька Нелидовой (Таинственная история) // Русская новелла начала XX века. М., 1990. С. 206.

⁶ Там же. С. 208

⁷ См.: Литературное обозрение. 1989. № 6. С. 87–89; а также: Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. 1. С. 543–545.